

Интегративные аспекты тактических комбинаций

Аннотация: Термин «тактическая комбинация» применяется для обозначения в совокупности тактических приемов и следственных действий.

Между отдельными тактическими приемами, отдельными следственными, организационными и следственно-розыскными мероприятиями существует зависимость друг от друга и от следственной ситуации в целом.

Тактическая комбинация имеет общую и конкретную цели.

Исследуется допустимость и правомерность физического и психического воздействия, которые имеют существенное значение для интегративной тактической комбинации.

Закон должен четко определить понятие неправомерного психического воздействия и его составляющих.

Ключевые слова: интегративная тактическая комбинация; допустимость; правомерность; физическое воздействие; психическое воздействие; принуждение; насилие.

В 1974 г. Р.С. Белкин употребил термин «тактическая комбинация» для обозначения тех технических приемов допроса, которые именовались «психологическими ловушками» или «следственными хитростями», а позже расширил понятие тактической комбинации, включив в него сочетание не только тактических приемов, но и следственных действий [2, с. 16]. При формировании концепции тактической комбинации Р.С. Белкин исследовал идеи А.В. Дулова о тактических операциях, основное содержание которых заключалось в следующем: криминалистическая тактика не отвечает

♦ Ширалиева Сабина Джаваншир кызы – доктор философии права, член Совета Международной организации правовых исследований (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

потребностям следственной практики, ибо ограничивается разработкой рекомендаций, рассчитанных на отдельные следственные действия, тогда как следователю часто приходится решать задачи, по которым ответ может быть найден только путем проведения серии следственных, оперативно-розыскных, ревизионных и иных действий. Изложенное обуславливает необходимость решения задач общего характера, требующих для своего разрешения проведения группы следственных, оперативно-розыскных, ревизионных действий, обозначаемых понятием «тактические операции» [6, с. 23-26].

По мнению Р.С. Белкина, в концепции А.В. Дулова заключалось одно существенное противоречие: тактическими операциями он именовал задачи общего и менее общего характера, возникающие в процессе расследования, а не средства решения этих задач, тогда как в теории организации понятие операции трактуется прямо противоположным образом [1, с. 206].

Несколько иное определение тактической операции, было дано, Л.Я. Драпкиным, по мнению которого – это комплекс следственных, оперативно – розыскных, организационно-подготовительных и иных действий, проводимых по единому плану и направленных на решение отдельных промежуточных задач, подчиненных общим целям расследования уголовного дела [4, с. 54].

Первая попытка классификации тактических операций, также принадлежит Л.Я. Драпкину, который разделил их: а) по содержанию – на неоднородные тактические операции, включающие в себя следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия и иные действия, и однородные, состоящие только из следственных действий; б) по временной структуре – на сквозные, производство которых осуществляется на протяжении нескольких этапов расследования, и локальные тактические операции, проводимые на каком-нибудь одном этапе расследования; в) по организационной структуре – тактические операции, осуществляемые работниками, объединенными в постоянные структурно-организационное звено и тактические операции, проводимые работниками, объединенными во временное структурно-

функциональное звено (следственная бригада, оперативно-следственная группа) [5, с. 54-55].

В 1976 г. В.И. Шикановым было предложено следующее определение тактической операции: «Тактическая операция – система согласованных между собой следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в соответствии с требованиями норм уголовно-процессуального закона правомочными должностными лицами для выяснения вопросов, входящих в предмет доказывания по расследуемому ими уголовному делу» [19, с. 156-157].

В 1979 г. А.В. Дулов сформулировал новое определение тактической операции, сущность которой заключается в том, что это «совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий» [8, с. 44].

В 1997 г. Р.С. Белкиным было предложено считать, что тактическая комбинация – это определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией [1, с. 210].

В 2000 г. мы несколько изменили данную формулировку, указав, что тактическая комбинация – определенное сочетание тактических приемов проведения следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий, применяемое для решения общей и конкретной задач расследования и обусловленное данными задачами и следственной ситуацией [9, с. 394].

Было отмечено, что связи между отдельными тактическими приемами, а также между отдельными следственными, организационными и следственно-розыскными мероприятиями, между приемами, действиями и мероприятиями

определяют системность, зависимость друг от друга и от следственной ситуации, взаимную детерминированность [9, с. 394].

Общей целью тактической комбинации является установление истины по делу. Конкретными целями тактической комбинации могут быть: создание условий для проведения одного либо нескольких следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий; создание условий, обеспечивающих результативность одного либо нескольких следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий; разрешение конфликтной ситуации с помощью рефлексии; а обеспечение сохранности источников информации; иные воздействия на следственную ситуацию с целью ее изменения или использования [9, с. 394].

Тактическая комбинация может заключаться в определенном сочетании:

а) тактических приемов, осуществляемых в рамках одного следственного действия;

б) тактических приемов различных следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий;

в) одноименных и разноименных следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий

г) тактических приемов, следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий.

Тактическая комбинация, как правило, осуществляется в рамках конкретного уголовного дела, расследование которого в целом представляет собой сочетание определенных действий следователя и других лиц, участвующих в раскрытии преступления [9, с. 394-395].

Вместе с тем, тактическая комбинация при расследовании одного уголовного дела может одновременно иметь значение таковой по другому уголовному делу либо быть тактической комбинацией, осуществляемой в рамках расследования двух и более уголовных дел. В основе подобных комбинаций находится информация о взаимосвязанности уголовных дел,

которые после проведения комбинации соединяются в одно производство, либо о связях лиц, фигурирующих в двух делах о самостоятельных преступлениях.

Сочетание тактических приемов одного следственного действия с тактическими приемами другого не является основанием для вывода о существовании неких комбинированных следственных действий, поскольку каждое следственное действие, будучи самостоятельным, производится в определенном процессуальном порядке.

Аналогичный характер имеют и тактические приемы, хотя в целом и процессуально не регламентируемые, однако используемые в определенных ситуациях. Тактические приемы различных следственных действий сочетаются, а не смешиваются, переплетаются, но не подменяют друг друга. Такой же характер имеет комбинационное сочетание следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий [9, с. 395].

Таким образом, тактическая комбинация – это открытая система тактических приемов, следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий, элементы которой, образуя подсистемы, определяют вид комбинации.

Тактические комбинации подразделяются на сложные, содержанием которых является система тактических приемов, следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий, и простые, состоящие из системы тактических приемов, применяемых в рамках одного следственного действия.

Сложные тактические комбинации подразделяются на однородные, состоящие из одноименных действий и мероприятий, и разнородные, состоящие из различных приемов, действий и мероприятий, на сквозные и локальные.

Простые тактические комбинации подразделяются на рефлексивные, целью которых является рефлексивное управление лицом, противодействующим следствию, обеспечивающие и контрольные,

осуществляемые для проверки правильного хода расследования, хода отдельных следственных действий и т.д.

Допустимость тактической комбинации определяется допустимостью целей комбинации, тактических приемов, следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий, составляющих ее содержание, а также правомерностью и этичностью их сочетания и воздействия на следственную ситуацию и ее компоненты [9, с. 396].

По форме внешнего выражения воздействие может быть физическим и психическим. Правомерность физического воздействия определить несложно. Следователь вправе воздействовать на объекты неживой природы и личность в пределах и случаях, обусловленных возникшей по делу необходимостью и предписаниями закона. Личные и имущественные права и интересы граждан должны быть ограничены при этом в строгом соответствии с установлениями закона, причиняемый имущественный вред полностью обоснован.

Физическое принуждение, физическое воздействие в процессе судопроизводства на личность недопустимо. Исключения из этого категорического правила возможны лишь при прямом предписании закона и касаются мер процессуального принуждения: задержания, заключения под стражу в качестве меры пресечения, привода, принудительного освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования.

Различают два вида психического воздействия: неправомерное и правомерное. Неправомерное психическое воздействие – насилие над личностью – прямо запрещено законом во всех формах.

Допустимо только правомерное психическое воздействие, но от того, что понимать под таким воздействием, зависит и определение средств воздействия, признание законными и допустимыми или, наоборот, незаконными и аморальными тех или иных приемов и средств воздействия.

Рассмотрим указанные положения более подробно, т.к. наряду с обманом они имеют существенное значение для ИКТ.

Понятия физического и психического насилия в УПК Азербайджанской Республики отсутствуют, однако из содержания ст. 15 УПК видно, что под насилием законодатель понимает «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание», нарушающее права участников процесса.

В частности, согласно ст. 15.2 УПК, «В ходе уголовного преследования запрещается: применять пытки, использовать физическое и психическое насилие, в том числе медицинские препараты, подвергать голоду, гипнозу, лишать медицинской помощи, применять другое жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание» [16, с. 17].

Таким образом, вопрос о допустимости физического и психического насилия в азербайджанском уголовном процесс решается однозначно: нельзя.

При этом, как видно из приведенного текста, законодатель, из лишь ему известных соображений, не относит пытки и угрозы к физическому и психическому насилию, запрещает производство действий, «сопровождающих длительной или острой физической болью либо временным расстройством здоровья», провоцируя тем самым массу резонных вопросов: допустимы ли действия, сопровождающиеся кратковременной и неострой физической болью, законно ли постоянное расстройство здоровья и т.п.

Не касаясь более очевидных противоречий ст. 15 УПК, попытаемся контурно изложить наше видение места насилия в уголовном процессе и криминалистике.

Согласно С.И. Ожегова, насилие – это: а) применение физической силы к кому-либо; б) принудительное воздействие на кого-либо, что-либо; в) притеснение, беззаконие [11, с. 334]. «Насилие – это действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное», – пишет В. Даль. Юридический энциклопедический словарь определяет насилие в праве как физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле) [15, с. 84-85]. В психологическом словаре

под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [12], а также в трехтомнике Р.С. Немова «Психология» [10], понятия насилия отсутствуют.

В юридической литературе и в мировой законодательной практике понятие насилия трактуется по-разному. Так, Р.Д. Шарапов, исходя из двух основных признаков насилия – принуждения и неволи, пишет: «Истинный смысл слова «насилие» состоит в том, что им обозначали и обозначают некое действие одного, совершаемое в отношении другого, вопреки его воле (желанию)» [18, с. 20].

Данная и аналогичные формулировки понятия «насилия» базируются на утверждениях А.А. Пионтковского о том, что «насильственное воздействие на личность состоит во всяком принуждении ее к действиям, противоречащим ее желаниям» [15, с. 85].

Л.В. Сердюк определяет насилие как внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму и ограничить свободу его волеизъявления или действий [14, с. 22].

Вместе с тем, противореча себе, Л.В. Сердюк пишет, что насилие, т.е. воздействие на человека или группу лиц помимо или против воли, в целях пресечения преступления, т.е. должное насилие, является принуждением [14, с. 13]. Между тем насилие и принуждение являются синонимами.

Американский Примерный уголовный кодекс относит к насилию не только «действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное», но и обычную самозащиту [15, с. 85].

На синонимический характер понятий «насилие» и «принуждение» указывал еще Ф. Ницше, писавший о необходимости насилия не только в государственном, но в личностном масштабе, человека к самому себе для искоренения таких психологических пороков как лень, нигилизм и т.п. [15, с. 86].

По сути своей, дискуссия о содержании понятия «насилие» аналогична той, что существует в уголовном процессе и криминалистике по поводу понятия «обман»: аналогичные действия одних участников процесса (свидетель, подозреваемый, обвиняемый и др.), именуются обманом, а других (следователь, прокурор и др.) – следственной хитростью, психологической ловушкой, комбинацией, приемом и т.п. «камуфляжной» терминологией. Согласно подобной логике, если карманный вор, застигнутый на месте преступления, бьет оперативного работника кулаком, то это насилие, а если оперативник бьет в ответ, то это принуждение. По утверждениям Л.В. Сердюка и других ученых, границей в данном случае выступает законность действий, хотя содержание их однозначно [14, с. 66].

Тогда получается, что превышение пределов необходимой обороны будет наполовину насилием и наполовину принуждением, а самоубийство должно быть отнесено к принуждению, хотя и является аутоагрессией – осознанным насилием человека над самим собой.

«Насилие» - слово и должно применяться согласно значению: физическое либо психическое принуждение кого-либо совершить действия помимо его желания. Однако, не каждый, применяющий насилие, является насильником.

Любое принуждение предполагает воздействие, которое является его составным элементом и представляет собой процесс передачи информации путем различных методов и средств [17, с. 13]. Как физическое, так и психическое воздействие, а следовательно принуждение (насилие) подразделяется в уголовном процессе и криминалистике на правомерное и неправомерное (незаконное).

Правомерным физическим воздействием (насилием, принуждением) в процессе судопроизводства считается лишь то, которое допускается законом, н.п. меры процессуального принуждения, следственные действия, проводимые принудительно, меры предоставленные сотрудникам полиции Законом «О полиции» и др. Процесс передачи информации от субъекта воздействия (следователя, дознавателя, работника дознания) на объект воздействия при нем

может несколько отличаться от обычного. Так, в случае не реагирования на информацию о вызове, переданную по телефону или повесткой, закон допускает доведение этой информации путем принудительного, т.е. насильственного привода. Лицу, должным образом, не прореагировавшему на информацию следователя о необходимости производства его личного обыска, эта же информация может быть доведена иным путем, предполагающим применение насилия и т.п. Задержанный, отказывающийся войти в камеру, окажется там либо насильно (его затолкают в камеру), либо когда информация об этом будет доведена до него другим способом (пригрозят, что затолкают).

Сложнее решается вопрос о психическом воздействии (принуждении, насилии), где грани очерчены не настолько очевидно.

Так, до настоящего времени большинство процессуалистов и криминалистов считают, что основным признаком правомерного психического воздействия признается сохранение подвергающимся воздействию свободы выбора позиции,[13, с. 195], наличие условий для выбора и изложения своей позиции [7, с. 165], непротиворечие законности и нравственным принципам общества [1, с. 220-221]. Кроме того, условием правомерности психического воздействия ряд ученых считает избирательность, т.е. направленность воздействия лишь на определенных лиц и нейтральность по отношению к остальным [13, с. 202].

Очевидные, на первый взгляд утверждения, тем не менее, с нашей точки зрения, не решают вопроса о правомерности или незаконности психического воздействия. Так, законность означает, что психическое воздействие не должно противоречить букве и духу закона [1, с. 220]. Если исходить из ст. 15 УПК Азербайджанской Республики, запрещающей все виды психического воздействия (насилия), то вопрос можно считать исчерпанным. Если же подойти к решению проблемы, более глубоко, то возникает порочный круг: закон не отделяет правомерное насилие от неправомерного, тем самым исключается его применение в целом. Это, если не считать упоминания в ст. 15

УПК гипноза и обмана, запрет которых имеет весьма спорный характер, а также угроз, что общеизвестно.

Кроме того, с нашей точки зрения, законность в данном случае является вторичной категорией, поскольку для того, чтобы что-то запретить или разрешить в нормативном порядке, надо определить его свойства, негативность, либо позитивность.

Избирательность воздействия, возражений не вызывает, но также не является главным. Следственные действия, сопровождающиеся воздействием, как правило проводятся с одним или двумя (очная ставка) участниками процесса, что обуславливает избирательность воздействия.

Из числа этических требований, предъявляемых к воздействию, следует назвать положения, разработанные И.Е. Быховским, о которых речь шла выше [3, с. 219-220].

Вопросы о свободе выбора позиции, наличии условий для выбора и изложения своей позиции, кажущиеся взаимосвязанными и очевидными, тем не менее, содержат ряд противоречий как внутреннего, так и внешнего характера. Условия для выбора и изложения своей позиции для подозреваемых и обвиняемых по сути своей являются составными элементами свободы самоизобличения и правового статуса, а для свидетелей и потерпевших – процедурой допроса и других действий, проводимых с их участием. Во всех случаях они четко обозначены в законе и принципиальных возражений не вызывает.

Сложнее обстоит дело со свободой выбора позиции поскольку данное утверждение, имеющее незавершенный характер, противоречит задачам уголовного судопроизводства, исключает и уголовное преследование и расследование преступлений. Расследование преступлений как процесс и его составляющие, в том числе и правомерное воздействие, одной из целей имеют изменение позиции лица, подозреваемого в совершении преступления. Речь идет и о признании, и о раскаянии и о содействии в раскрытии, возмещении ущерба, иных последствий преступления. Для чего и как расследовать

преступления, если не пытаться изменить позицию подозреваемого, обвиняемого или лживого свидетеля?

Одно дело, если выбранную позицию принуждают покинуть путем угроз, шантажа и других неправомерных приемов, но в другом случае надо отменить и запретить и криминалистическую тактику, и методику, поскольку их рекомендации станут беспредметными и незаконными.

С нашей точки зрения, в законе должно быть четко определено понятие неправомерного психического воздействия и его составляющих, к которым следует отнести:

а) угрозы в ходе процесса применения в настоящее время, либо в будущем физического насилия, уничтожения имущества, распространения позорящих сведений и иной конфиденциальной информации, уголовного, дисциплинарного или административного преследования, воспрепятствования деятельности, нарушения иных прав, предусмотренных Конституцией и иными законами Азербайджанской Республики.

Угрозы могут быть направлены непосредственно в адрес участника процесса, либо в отношении других лиц, независимо от степени родства с участником процесса. Угрозы применения физического насилия могут быть устными и демонстративными.

б) осуществление перечисленных угроз, в т.ч. физическое насилие в отношении каких-либо лиц, имеющих отношение к участнику процесса.

В данном случае неправомерное физическое насилие и иные незаконные действия в отношении одних лиц будут способом неправомерного психического насилия в отношении участника процесса.

в) умышленное нарушение прав участника процесса как человека и гражданина (за исключением физического воздействия). В данном случае имеются в виду конституционные права и свободы, предусмотренные в главе III Конституции Азербайджанской Республики;

г) умышленное нарушение процессуальных прав личности как участника уголовного процесса [15, с. 90].

Представляется, что наряду с этическими требованиями и избирательностью воздействия, изложенное контурно должно составить основу критерия законности психического воздействия.

Библиография

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., Юристъ, 1997.
2. Белкин Р.С. Проблемы определения последовательности следственных действий / Проблемы совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР. Алма-Ата, 1974, с. 16-21.
3. Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1975.
4. Драпкин Л.Я. Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия / Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. Л., 1976, с. 54-61.
5. Дубягин Ю.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. М., Буквица, 1997.
6. Дулов А.В. О разработке тактических операций при расследовании преступления // 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972, с. 23-26.
7. Дулов А. В. Судебная психология. Минск, Вышэйшая школа, 1975.
8. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979.
9. Криминалистика. Учебник для ВУЗов. Под ред. Сулейманова Д.И. Баку, Ишыг, 2000.
10. Немов Р.С. Психология. В 3-х книгах. М., 2001.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., Русский язык, 1985.

12. Психология: Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., Политиздат, 1990.
13. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., Юрлитинформ, 2001.
14. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., Юрлитинформ, 2002.
15. Сулейманов Д.И., Ширалиева С.Д. Проблемы допустимости насилия в уголовном процессе и криминалистике. Сборник научных статей. Наука и образование, № 13, Баку, 2004, с. 84-91.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. Баку, ЮЛ, 2001.
17. Хайдуков Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. Саратов, Саратовского ун-та, 1984.
18. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.
19. Шиканов В. И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений / Методика расследования преступлений // Материалы науч.- практ. конф. М., 1976, с. 155-159.